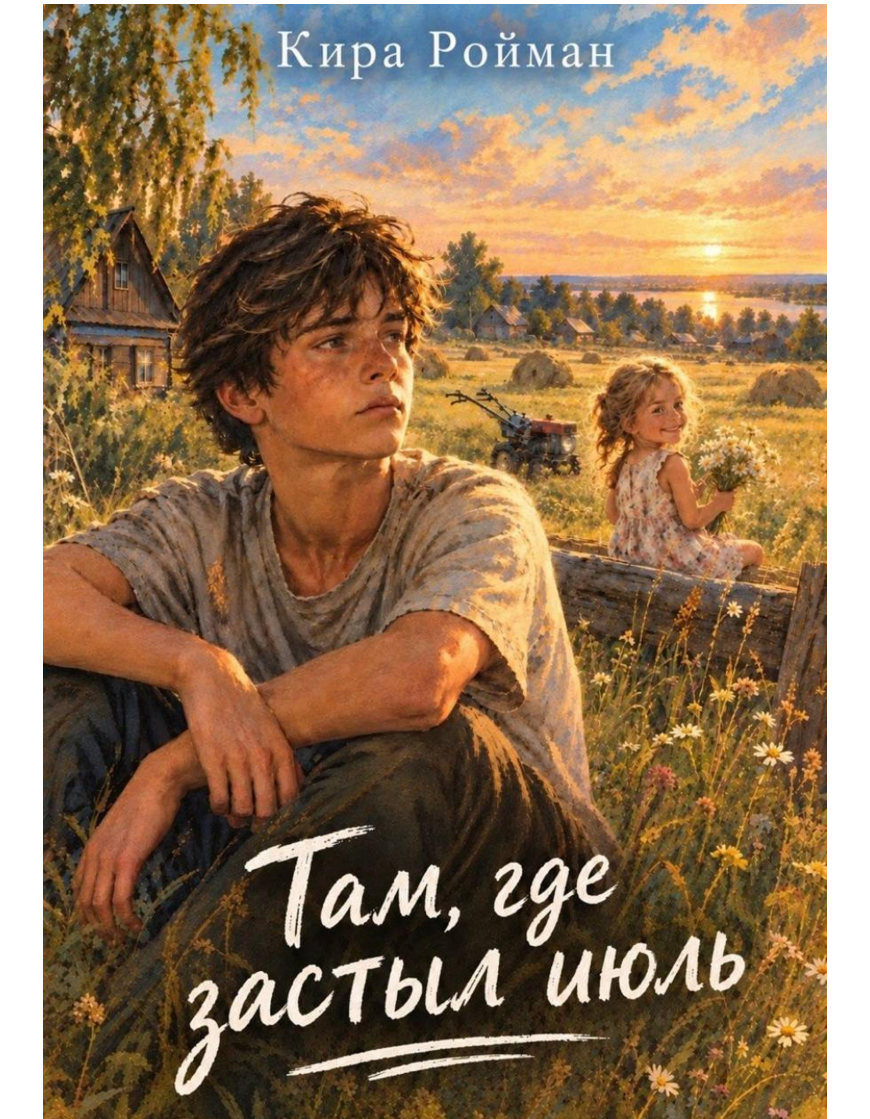

Кира Ройман

Там, где
застыл июль

Кира Ройман

Там, где застыл июль

<https://litres.ru/74669218>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четырнадцатилетний Марат искренне считал, что ссылка в глухую деревню к бабушке и дедушке — это худшее, что могло с ним случиться. Вокруг только бесконечный сенокос, тарахтящий мотоблок и пятилетняя сестра Анька, которая верит, что ее резиновый сапог украл Водяной.

Эта повесть о том самом пограничном лете, когда детство уходит безвозвратно, а взрослая жизнь кажется непонятной и колючей. Мир деревенских будней, наполненный запахами мазута, прелой травы, парного молока и приторной клубничной карамели, внезапно затянет городского подростка в водоворот тайн, пацанской верности и первой, растаптывающей гордость любви.

Светлая, немного горькая и пронзительно честная история об уходящем лете, которое многие как и Марат, проживали в своем детстве.

Содержание

Глава 1. Водяной	4
Глава 2. Мотоблок и трактор	22
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кира Ройман

Там, где застыл июль

Глава 1. Водяной

— Доброе утро, класс. Ну что, как отдохнули?

Елизавета Олеговна звонко процокала каблуками к учительскому столу и с глухим стуком бухнула на него тяжёлый классный журнал. С парт пронеслось нестройное, тоскливое гудение девятого «В».

— Ну-ну, притихли. — Учительница хмыкнула, перелистывая страницы. — Лето прошло, а сейчас самое интересное. Открываем тетради, записываем число и тему: «Как я провел это лето».

Марат тоскливо скривился и открыл новую, хрустящую чистыми листами тетрадь в линейку.

«Как я провел лето...»

Он тупо уставился на пустую страницу, а потом повернул голову к окну. Там, за пыльным школьным стеклом, старый клён медленно скидывал свои первые жёлтые листья. Они, словно крошечные кораблики, плавно опускались на невидимых ветряных волнах. Марат прикрыл глаза, и перед мысленным взором вместо школьного двора вдруг с удушающей отчётливостью всплыла совсем другая картина.

Полосатый поплавок медленно покачивался на водной глади местной речки-вонючки, которая огибала деревню и где-то далеко впадала в Волгу. От июльского жара противоположный берег покрывался маревом, и воздух, казалось, едва заметно дрожал над ним. Где-то вдалеке замычали коровы — пастух гнал скотину на водопой. Марат лениво осмотрелся по сторонам: осоку, что резала пальцы босых ног, иву, которая вглядывалась в своё отражение и касалась кончиками ветвей речной глади. Легкий ветерок пробежал по верхушкам деревьев, щекотал воду, и она покрывалась редкими мурашками ряби. Поклёвки так и не было. Хотя чуть поодаль Марат видел разбегающиеся круги от игравшей рыбы, где-то в кустах под кувшинками виднелись силуэты чего-то покрупнее мелкой плотвы. Он протяжно вздохнул и оглянулся на сестру. Анютка, то и дело отмахиваясь от назойливой мошки, не забывала откусить от краюшки хлеба, что бабушка положила ей в котомку. В одной руке — кусок, в другой — палка, которой она ковыряла перловицу, не вовремя попавшуюся ей на глаза.

— Ну же, открывайся, я знаю, у тебя там жемчуг прячется. Так деда говорит, что в ракушках жемчуг. Тебе жалко, что ли?

Но та не слышала просьб девочки.

— Маратик, — жалобно протянула Анютка, — может, пойдём уже?

Марат, скривившись, отвернулся к поплавку.

— Ты же сама просилась на рыбалку. А сейчас хнычешь, рыбу пугаешь.

Утром пришлось торговаться с бабушкой: либо полоть грядки, либо на рыбалку, но с Анюткой. Грядки полоть хотелось меньше всего, и он предпочёл меньшее из зол. Хотя как посмотреть, конечно.

Он снова оглянулся на сестру. Белёные прядки выбились из-под светлой косынки, а курносый нос уже был в чём-то измазан. Перловица ей наскучила, да и кусок хлеба она доела и принялась исследовать берег.

— Стой! — Марат дёрнулся к сестре, но маленькая ножка в жёлтом сапожке уже утопала в густом илистом берегу.

— Мара-а-ат!..

Где-то захлопали крыльями испуганные птицы, залаяла собака.

Марат рванул к сестре — но было поздно. Пытаясь удержать равновесие, Анютка покачнулась на одной ноге, не устояла и повалилась в прибрежную осоку. Светлое платьице в мелкий горошек моментально промокло и покрылось грязными разводами. От неожиданности девочка охнула, и по округе разнёсся её плач.

— Да тихо ты, не ори. Давай сюда руки.

Стараясь не увязнуть сам, Марат схватил сестру под мышки и с хлопаньем вытянул из речной жижи. Сапожок остался на месте, одиноко торча из грязи чёрной воронкой. Анютка стояла босая на одну ногу, всхлипывала и размазывала слёзы

с соплями по лицу.

Теперь от бабушки точно попадёт. Марат помнил, как в прошлый раз ему влетело, когда Анютка свалилась с багажника велосипеда. Никаких гулянок и телевизора.

— Ну аккуратней никак нельзя? — начал было он, но осекся, стоило ему увидеть, как глаза сестры снова наполняются слезами, а лицо становится похоже на сморщенное яблоко. — Ладно, ладно, не реви. Отстираем, а тебя в бане отмоем. Испугалась?

— Угу, может, домой пойдём?

Он не ответил, лишь хмуро посмотрел на спокойную рябь над поплавком, на рыбу, что плескалась под кувшинками.

— Стой здесь, — сказал он строго. — Рыбалки всё равно сегодня не видать.

Он вернулся к месту ловли и принялся сматывать снасти. Поплавок качнулся, дёрнулся и в тот же миг резко ушёл на глубину. Засвистела леска, разрезая толщу воды, а удилище выгнулось дугой, сопротивляясь силе, тянущей на дно. Пришлось судорожно перехватывать рукоять поудобнее. Дерево дрожало и ходило ходуном в ладонях.

Даже Анютка умолкла, забыв про грязь и слёзы, и смотрела, как брат борется с невидимой рыбиной, упираясь ногами в илистый берег, сжимая зубы и бормоча ругательства.

Добыча шла тяжело, упрямо, будто Марат тащил со дна чугунный утюг. Он подтягивал её к берегу, руки колотила мелкая дрожь, а сердце ухало где-то в горе. В момент, когда

она показалась из воды, он невольно отшатнулся. В мутной глубине мелькнуло голое, склизкое тело — без чешуи. На широкой, плоской голове выпирали две чёрные горошины глаз. Два уса, как антенны, шевелились из стороны в сторону, словно существо пыталось ощупать тех, кто рядом. Марат замер — он никогда не видел такого вживую, только на картинках в дедушкиной книге.

Вдруг туша выгнулась. Испугавшись, что она выскользнет, парень дёрнул что было сил. Улов с глухим шлепком упал на траву. Налим, или что-то похожее на него, забился мускулистым телом, то и дело разевая пасть с мелкими зубами.

— Фу, какая гадость! — сморщился Марат, с трудом отцепляя крючок. Добыча извивалась, то и дело опутывая пальцы белесой слизью. Марат держал налима на вытянутой руке, борясь с отвращением. Анютка наконец опасливо подошла и, увидев, как рыба снова забилась, замахала ладошками и закричала:

— Ой, убери, убери!

Налим оказался небольшой, но довольно увесистый — чёрный, в мелкую крапинку. Марат собирался заглянуть в раззявленную пасть, но сразу отдёрнул улов от лица — пахло от него тоже не шибко приятно. Надо бы его обмыть, а то налепил на себя всякой грязи. Не нести же домой эти комья.

Присев на корточки, Марат осторожно опустил налима в воду. Тот, коснувшись прохлады, внезапно ожил — муску-

листо, упруго выкрутился, и парень почувствовал, как рыба выскальзывает, вытекает из пальцев, оставляя на коже белесую густую слизь. Марат попытался ухватить ее за жабры, но жёсткие, как наждак, плавники прочертили по ладоням. Налим ушёл. Мелькнув тёмным боком, он растаял в мутной глубине, оставив на поверхности лишь расходящиеся круги да колыхнувшуюся кувшинку.

— Да чтоб тебя! — шлёпнул ладонями Марат. — Твою ж...

И оглянувшись, замолк.

Анютка, прижав перепачканные руки к груди, наблюдала во все глаза за братом.

— Пошли домой, — уже было развернувшись и встав с колен, буркнул Марат, но скользкий илистый берег именно сейчас поплыл под ногами. Под ступнёй что-то хлопнуло — мягко, влажно, словно земля вздохнула и разжалась, выпуская из себя скопившийся воздух.

Нога провалилась в пустоту, не встретив дна. Марат качнулся, отчаянно замахал руками, силясь удержать равновесие, но ил под ногами просел, и парень завалился на спину, шлёпнувшись в тёплую речную муть.

Бултых!

Вода сомкнулась над головой, тёплая, мутная, с привкусом тины и гниющих листьев. В уши моментально набилась ряска, в нос полезла жидкая зелень, и он на мгновение потерял ориентацию, чувствуя, как штаны тяжелеют, налива-

ются влагой и облепляют ноги. Ладони уткнулись в скользкое дно. Оттолкнувшись, парень вынырнул, хватая ртом воздух, кашляя и отплёвываясь. Марат попытался протереть лицо, но пальцы только размазывали склизкую жижу, которая и без того плотно покрывала кожу, волосы и футболку.

Он попытался нащупать опору, но зыбкое дно уходило из-под ног, и парень снова проваливался, пока наконец, ухватившись за пучок осоки, не выбрался на сушу. Кое-как поднявшись, он опустился на траву, тяжело дыша.

Обтерев краем футболки лицо и отлепив от шеи зеленую нитку водорослей, Марат оглянулся. Гладкая, спокойная река уже сомкнулась над тем местом, где он только что барахтался, и лишь несколько пузырей лениво поднимались из глубины, лопааясь у поверхности.

— Братик! — донёсся до него испуганный всхлип.

Парень сидел, низко опустив голову и пытаясь отдышаться. Вода ручьями сбегала с мокрой футболки, во рту стоял вкус тины, а в ушах всё ещё хлюпало. Рядом зашуршало. Анютка подошла совсем близко, на цыпочках. Она опустилась на колени, заглядывая снизу вверх прямо в лицо брату. Нижняя губа девочки всё ещё мелко дрожала, а в огромных глазах блестели непролитые слёзы. Она робко протянула руку, но прикоснуться к мокрому плечу не решилась, так и оставив ладошку в воздухе.

— Маратик... ты живой? — тихо-тихо спросила она, округлив глаза. — Ты туда зачем полез? Тебя рыба за собой

потащила?

Марат только тяжело и сердито выдохнул сквозь зубы, отлепляя от ладоней скользкую тину. Он мотнул головой, и в этот момент длинный зелёный лоскут ряски, зацепившийся за ухо, склизко мазнул по щеке.

Анютка замерла. Шмыгнула носом, во все глаза разглядывая эту зелёную ленту на его ухе. Огромные испуганные глаза девочки вдруг смешно округлились, губы сами собой расползлись в улыбке, и она робко ткнула пальчиком прямо в сторону его лица:

— Ой... Марат... у тебя там это... болтается! — Анютка согнулась, зажав рот ладошками, но хохот всё равно со свистом рвался наружу. Она прыснула, задыхаясь от смеха, и победно выкрикнула прямо ему в лицо:

— Водяной-болотный! Марат теперь водяной!

Он мрачно смотрел на неё — мокрый, грязный, обвешанный тиной. Ему хотелось прикрикнуть, заставить сестру замолчать, но её смех был таким звонким, что парень только обречённо выдохнул и невольно дёрнул уголком губ.

— Весело тебе? — ухмыльнулся он, безуспешно пытаясь стянуть через голову потяжелевшую мокрую футболку. — А кто сам минуту назад чуть на дно не ушёл?

Анютка испуганно ойкнула и мгновенно зажала рот ладошками.

— Точно! — Она важно подняла указательный палец, словно раскрыла мировой заговор, и тут же упёрла руки в

бока. — Это потому что он меня не смог утащить! Вот и разозлился. Думал, с Маратиком справится. Да-да!

Над ухом девочки противно и тонко зазвенело.

— Ай! — Анютка замахала руками, мелко и смешно топая ногами на месте. — Фу, фу, опять эти жужжалки! Ой...

Вдруг она резко замолчала и уставилась вниз. Правая нога всё так же была в жёлтом сапожке, а вот левая, перепачканная грязью и налипшей травой, весело шевелила пальцами.

— Мой сапожо-о-о-ок! Мара-а-а-ат! Мы забыли про сапожок! — Анютка заголосила что есть мочи.

Парень от неожиданности вздрогнул. Сестра бывала невыносимо громкой — казалось, прибрежная ива нагнулась от её крика ещё ниже. Марат обречённо перевёл взгляд на речную гладь. Ветер беспечно качал осоку, и редкие пузыри лопались на поверхности, расходясь кругами. Лезть обратно в эту скользкую муть и шарить там вслепую? Ну уж нет.

— Ну вот. Значит, утащил-таки, — хмуро буркнул он. — Засосало твой сапог.

— Как это засосало? — Анютка мгновенно притихла, надув губы. В глазах снова заблестели крупные, тяжёлые капли. — А как я пойду? Бабушка наругает...

— Меня она наругает, а не тебя, — буркнул Марат, с трудом поднимаясь на ноги. Казалось, от пережитого всё тело залило свинцом. — Скажет, за мелкой не уследил. Ладно, иди сюда.

Он вытряхнул оставшихся червей прямо в реку и отшвыр-

нул пустую жестянку в кусты. Перехватив смотанные удочки в одну руку, парень слегка присел и скомандовал:

— Залезай давай. Поедешь на шее. Только чур в лицо мне ногами не тыкать!

Анютка, моментально позабыв про слёзы, довольно запрыгала на одной ножке. Такая поездка была куда круче любого сапога. Она ловко взобралась по его мокрой спине, усе-
лась на плечи и победно заявила прямо в ухо:

— А я говорила! Это водяной его забрал. На память! Потому что мы у него рыбу хотели унести. Да-да!

— Это ты где про водяного видела? — Чуть качнувшись под её весом, он придержал сестру свободной рукой за коленки и осторожно побрёл по утоптанной тропинке.

— По телевизору, ты что, не видел? Он ещё песню там пел.

Уцепившись за его макушку, Анютка звонко затянула незамысловатую мелодию, то и дело сбиваясь с ритма и дуя брату прямо в затылок.

Солнце перевалило за полдень, прячась в барашках облаков. Набегающие тени и лёгкий ветер приятно холодили кожу под мокрой, облепившей спину футболкой. Но под сенью леса сразу стало по-настоящему свежо — от резких порывов ветра по телу то и дело пробегал озноб, покрывая плечи гу-
синой кожей.

Родители привезли их к бабушке всего пару недель назад. До самого отъезда Марат упирался, ссылаясь то на школь-

ный лагерь, то на ещё какие-то выдуманные причины. По итогу отец, не выдержав бесконечного нытья, просто оборвал споры, сказав: собираем вещи.

Ну как он не понимал? Где город, а где эта глушь. Пусть они и бывали здесь каждое лето, Марат искренне считал себя слишком взрослым для подобных каникул. Его лучший друг Никита ещё в мае похвастался, что они с родителями уезжают на море. Марат тогда тоже заикнулся было про юг, но отец ответил категоричным, сухим «нет». Мол, работа, командировки и вот это всё. Ну что, сложно было попросить начальство сдвинуть эту чёртову поездку? Сейчас бы плескались в тёплой лазурной воде, ходили вечером на набережную, а не торчали на этой речке-вонючке, в скользкой тине.

Деревня встретила привычными звуками. Где-то лениво лаяли собаки, вдалеке, предвещая скорый дождь, перекрикивались петухи. Кто-то на другом конце улицы старательно пытался завести то и дело глохнувший трактор, отчего тот лишь жалобно выдавал своё глухое «тух-тух» и снова затыкался. А чуть поодаль раздавались звонкие детские крики и визги — местные или приезжие ребятишки собрались на школьной волейбольной площадке и наверняка гоняли мяч.

Марат устало перевёл дыхание и бережно спустил сестру на землю.

— Так, Аня, бабушке про сапог ни слова, — шёпотом приказал он, заглядывая во двор сквозь щель в заборе. — На крыльцо не суйся. Если она увидит нас такими, влетит обо-

им. Поняла?

Анютка со всем своим серьёзным видом часто закивала головой и тут же изо всех сил зажала рот обеими ладошками. Пальцы, всё ещё перемазанные речным илом и пахнущие подсохшей горбушкой, смешно впились в пухлые щёки.

Марат тихонько толкнул калитку, предательски заскрипевшую петлями. Во дворе было пусто. Жука, растянувшись в тени под крыльцом, только приоткрыла один глаз и сонно взмахнула хвостом — своих не облаешь. Бабушка, наверное, была в доме, а дед либо в огороде, либо в гараже.

Дом был старым, приземистым двухквартирником — одной из тех длинных совхозных изб на две семьи. Вход к соседу вёл с противоположного конца здания, а всё пространство между двумя крыльцами занимал палисадник, разделённый посередине хлипким штaketником. На бабушкиной половине густо разрослись пышные разноцветные флоксы и мальвы, а за забором, на стороне одинокого дяди Миши, была лишь трава — спасибо хоть, вовремя покосенная. Но даже несмотря на расстояние между крыльцами, Марат с самого приезда терпеть не мог эту планировку: из-за глухой бревенчатой стены зала, общей для обеих половин, по ночам всё равно было отчетливо слышно, как сосед то тяжело кашляет, то заводит свои древние часы.

Пригибаясь и увлекая за собой сестру, Марат рванул вглубь двора, прямо к срубу бани. Но едва он открыл дверь предбанника, как навстречу с кипой стираного белья вышла

бабушка. Парень чуть не сшиб её с ног. В нос резко ударил густой запах свежести и хозяйственного мыла, напрочь перебив тухлый аромат речной тины, который шёл от мокрой футболки.

— О ты ж, окаянные! Куда несётесь, а?! — Выглядывая из-под кучи белья, бабушка оглядела внуков с ног до головы. — О-ох ты ж, батюшки...

Кипа свежих простыней в морщинистых руках угрожающе накренилась. Бабушка сердито прижала её локтем, и её взгляд, острый и цепкий, медленно пополз по Марату. Она шумно втянула носом воздух.

— Мара-ат, ты это чего, в одежде, што ль, в реку полез? А? Пошто весь в тине, в новой футболке! Я матери-то что скажу?

Марат открыл было рот, чтобы соврать про скользкий берег, но она уже перевела взгляд ниже — на притаившуюся за спиной сестру. На секунду повисла звенящая тишина. Бабушка медленно опустила глаза туда, где Анютка, силясь удержать равновесие, смешно растопырила пальцы на левой ноге, облепленной серой речной жижей.

— Батюшки святы... — аж присела та на деревянный порог, уронив край простыни прямо на траву. — А сапог-то где?! Марат! Я кому малую стеречь наказывала?!

Он только шумно сглотнул, чувствуя, как щёки заливают жаркой, стыдной краской. Нужные оправдания напрочь вылетели из головы, не оставив ни одной толковой мысли.

— Его водяной украл! На память! — не выдержав, гордо пискнула из-за спины брата Анютка.

Округлив глаза, бабушка на мгновение лишилась дара речи. Опомнившись, она замахнулась на них скомканной простыней:

— Я вам сейчас покажу водяного! Уши-то обоим пооткручиваю! А ну марш в баню, покуда тёплая ещё, чтоб ни капли этой жижи в избе не было!

Она круто развернулась и направилась к дому, но у самой тропинки обернулась:

— Марат, одежду всю в тазу замочи да мылом протри. Да по-нормальному, а не елозь!

Марат лежал в темноте, натянув жёсткое, пахнущее мылом одеяло до самого подбородка. Сам он был чисто отмыт и больше не источал аромат речной жижи. Однако стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором стыдным напоминанием всплывал недавний ужин. Наверное, вся деревня слышала, как заливисто хохотал дед, хлопая ладонями по коленям. «Ну, Маратка, ну добытчик! Такого налива упустил!» — громыхал он на весь дом, утирая слёзы широким рукавом фланелевой рубахи. А Анютка — вот уж точно, вообще ничего доверять нельзя! — только подливала масла в огонь. Она усердно стучала ложкой по тарелке и то и дело размахивала руками, показывая, каких размеров была добыча, и как водяному не повезло — только сапог и смог ута-

щить. Марат тогда был готов сквозь половицы провалиться. Из-за этой мелкой болтушки всё его желание казаться взрослым и самостоятельным беспощадно растоптали за первым же семейным ужином. Теперь дед с бабушкой точно будут вспоминать этот случай до конца лета.

Из угла комнаты доносилось мерное посапывание — после дневных приключений Анютка крепко спала.

Парень сердито выдохнул и повернулся на бок, лицом к стене.

Подушка казалась какой-то жесткой и слишком громко шуршала перьями. Пару раз стукнув по ней кулаком и перевернув на прохладную сторону, Марат уперся взглядом в пожелтевший огрызок обоев, отошедших от стены. На кухне, завывая изношенным мотором, внезапно врубился холодильник. Сначала он громко, с хрустом щёлкнул, словно подавился, а затем загудел на одной тягучей ноте. От этого монотонного звука старые половицы, казалось, мелко, едва ощутимо завибрировали.

И почему бабушка не купит новый? Этот тархтел как трактор на весь дом, а места внутри было совсем мало. А уж как намерзала ледяная корка — вообще страх. Вспомнилось, как позавчера пытался достать кусок краковской колбасы из морозилки, да так и не смог: она намертво вмёрзла в лёд, хоть топором вырубай.

В городе всё было по-другому. Вон отец — забарахлил старый седан, он его сразу продал и взял нормальную, новую

машину. А тут всё годами стояло на одних и тех же местах, скрипело, дед только иногда что-то подкручивал да подпай-вал вонючим паяльником с канифолью. Оставалось просто ждать, когда этот чёртов агрегат на кухне наконец заткнётся, но тот всё гудел и гудел, как назло.

В блёклом полумраке комнаты границы шерстяного ковра, висевшего над кроватью, стёрлись, и он казался огромным, пугающе чёрным пятном, приковывавшим к себе внимание. Днём в лучах солнца его затейливые красные и коричневые ромбы казались привычными и вгоняли в тоску, но сейчас, в зыбком лунном свете, пробивающемся сквозь занавеску, узоры будто шевелились. Вот этой петли здесь точно не было... А если провести пальцем, там можно нащупать выщипанный кусок, который Марат знал наизусть, но сейчас узор выглядел совершенно гладким. Вышитый в центре олень, казалось, повернул голову и смотрел прямо в лицо Марату своим немигающим взглядом.

Где-то на кухне, за деревянной перегородкой, предательски и протяжно закрипела половица. Будто кто-то грузный бродил там осторожным шагом. Наверное, дед пошёл воды попить... Марат замер, перестав дышать. Сердце гулко и часто заколотилось о рёбра.

Из-за глухой бревенчатой стены, от соседей, донеслось утробное щёлканье. Это просыпался старинный часовой механизм. Секунда тишины — и комнату затопил густой, медленный медный гул. Напольные часы с боем. Марат поёжил-

ся под одеялом и принялся отрешённо считать, как делал каждую ночь.

Один... — гул долго и вязко вибрировал в воздухе.

Два...

Три...

Полночь. Должно быть двенадцать ударов.

Марат ждал продолжения, но в соседском доме что-то сухо клацнуло, провернулось, и наступила глухая, давящая тишина. Звуки оборвались. Всего одиннадцать. Парень замер, высчитывая секунды в уме. Не могло же ему показаться? Он точно не пропустил удар. Старые немецкие часы соседа исправно отмеряли время уже лет сорок, дед сам говорил. Они не могли ошибиться. Но они не досчитали. Будто кто-то там, за стеной, протянул руку и поймал тяжёлый латунный маятник ладонью, украв уходящий час.

Марат отвернулся от оленя и посмотрел в окно. Там, за пыльным стеклом, в лунном свете виднелись смутные, неподвижные очертания палисадника. По стеклу пробежала быстрая тень — едва заметно качнулись кусты флоксов.

Это была кошка или ветер. Наверное. А часы просто старые, дядя Миша давно собирался сдать их в ремонт.

Марат судорожно выдохнул, нащупал жёсткий край ткани и, наплевав на всю свою городскую взрослость, натянул пододеяльник с головой, скрываясь в душном, спасительном убежище. Здесь, в темноте, было тихо. Он слышал только собственное сердце. Марат зажмурился, изо всех сил стара-

ясь поскорее уснуть и не думать о том, что где-то там, за перегородкой, продолжали скрипеть рассохшиеся половицы деревенского дома.

Глава 2. Мотоблок и трактор

Марат проснулся оттого, что в комнате стало нечем дышать. Июльское солнце уже вовсю палило сквозь тонкую ткань, превращая небольшую спальню в теплицу. Одежда теперь казалась тяжёлым и невыносимо горячим. Под утро прямо над ухом раздражающе звенел комар — тот самый, который до последнего не хотел улетать.

Марат лениво отмахнулся, но открывать глаза не хотелось. Сквозь дрему он прислушался к оживающему дому. На кухне, за дощатой перегородкой, бабушка вовсю гремела кастрюлями и чашками.

Из-за глухой бревенчатой стены, от соседа, доносился монотонный бубнёж телевизора и тяжёлые, шаркающие шаги. Дядя Миша, как обычно, вставал ни свет ни заря — под глухой бой своих старых часов.

Из раскрытого окна тянуло утренней прохладой, запахом росистой травы. Вдалеке раздавалось мычание стада, уходящего на пастбище. Резкий звон водяной колонки раскатисто гремел по округе — наверное, продавщица набирала ведро перед открытием магазина.

Эти привычные шумы окончательно разогнали остатки сна. Марат почувствовал, как во рту пересохло. С кухни снова донёсся грохот посуды, а следом потянуло печной гарью, горьковатым дровяным дымом и ни с чем не сравнимым гу-

стым ароматом свежеиспечённого хлеба. В животе требовательно заурчало.

С удовольствием потянувшись, Марат сбил ногами одеяло и опустил ступни на гладкие половицы, от неожиданного холода которых непроизвольно вздрогнул. Сестра ещё спала в своей маленькой кроватке, раскинувшись на ней звездой. Марат тихонько хмыкнул, разглядывая подсохшую полоску слюны на её подбородке.

Лениво переставляя ноги, он вышел из спаленки, на ходу разлепляя глаза пальцами.

— Ох ты ж батюшки! — От неожиданности бабушка ухватилась за сердце. Но, тут же опомнившись, легонько шлёпнула внука вафельным полотенцем. — Ты что словно нелюдь крадёшься?! Весь в деда пошёл! Иди умывайся и за стол!

Она ласково потрепала его по заспанной макушке. Марат даже не стал уворачиваться — лишь односложно промычал, как телок, и побрёл было к рукомойнику, но у самой раковины притормозил.

Горячей воды у бабушки не водилось. Марат помнил о ледяной свежести струи из рукомойника и как мог оттягивал момент умывания, решив, что сначала нужно сходить по делу более важному. Туалет, конечно, тоже не радовал — классическая дырка в сенях с летающим гнусом и специфическими запахами. Чтобы добраться до него, нужно было пройти мимо двери на чердак в самый дальний закуток прохладного коридора.

Скривившись, Марат старался об этом не думать: всё-таки ему слишком нравились городские блага цивилизации и тёплый унитаз. Он бывал как-то в деревне зимой, и повторять такой подвиг желания больше не появлялось.

Отбросив наконец мысли о нормальных удобствах, он решил выглянуть на крыльцо. Несмотря на всю эту дикость, ему тут всё-таки нравилось. Утренний воздух бодрил, окончательно выветривая остатки постельного тепла. Щурясь от яркого солнца, Марат оглядел двор. Жуки было не видать, а вот по забору, мягко переставляя лапы, грациозно пробирался Мурзик.

— Кис-кис. — Марат присел на корточки, подзывая кота. Окинув его оценивающим взглядом и что-то коротко мяукнув в ответ, Мурзик поспешил спрыгнуть с ограды и побежал навстречу.

— Нагулялся, да? Тебе лишь бы пожрать, — беззлобно отчитал его парень.

В ответ усатый довольно зажмурился и начал тереться о босые ноги, не забывая топтаться влажными от росы лапками прямо по пальцам Марата.

— Ладно, ладно, пошли завтракать.

За кухонным столом уже сидела Анютка, усердно жуя ломоть хлеба с маслом и весело болтая ногами.

— Давай, умывайся и садись быстрее, как раз чайник вскипел, — бросила вошедшему Марату бабушка, с кряхтением снимая с печки тяжёлую закопчённую махину.

Он подошёл к умывальнику. Медный носик бойко зазвенел под пальцами, выдавая на подставленные ладони обжигающие струи ледяной колодезной воды. Сон смыло моментально. Парень фыркнул, шумно выдохнул и прижал мокрые ладони к горячему со сна лицу, чувствуя, как кожа стягивается от холода.

От запаха свежего хлеба сводило желудок. Ломоть в руке всё ещё исходил паром и на глазах пропитывался жёлтым тающим маслом. Марат, не раздумывая, залез пальцами прямо в сахарницу, щедро, с горкой посыпал хлеб крупным сахаром и с наслаждением откусил сразу половину.

Пока бабушка разливала горячий чай по кружкам, на кухню зашел дед с полными ладонями чёрной, наливной смородины.

— Деда! — Анютка тут же принялась тащить ягоды в рот — с бабушкиного огорода всё и так было чистым.

Тот лишь хмыкнул в усы и заговорщически подмигнул Марату:

— Ну что, завтракаем и идём?

— Куда идём? — Парень поспешно проглотил сладкий мякиш.

— Как куда? На покос. Сейчас вон бабушка нам воды наведет, да с собой положит чего на перекус, да и отправимся.

Марат моментально сдуслся. И солнце за окном показалось уже не таким ярким, и свежий хлеб будто загорчил, неприятно пачкая ладони тающим маслом.

— А точно сегодня надо?.. — с робкой надеждой в голосе пробормотал он.

Дед лишь добродушно хлопнул его по плечу:

— А когда, коли не сегодня? Вон с Анатолием только успели договориться, у него на всю неделю вперёд трактор забит. Больше некогда, а косить уже пора. Трава переспеет — так скотина и есть её не будет. Ты давай, это, не растягивайся, нам до полудня успеть надо.

Он развернулся и вышел в прихожую, шурша вещами и собирая сумку на поле.

Услышав деда, Анятка отчаянно замотала головой и, даже не дожидаясь, начала голосить:

— Я тоже! Меня тоже возьмите!

Бабушка, отвернувшись от плиты и уперев руки в бока, строго прикрикнула:

— А ты-то куда? От горшка два вершка! Замнут там под косилкой и не заметят!

Скуксившись, Анятка сделала огромные жалобные глаза:

— А я тихонечко посижу, я не буду мешать!

Марат, смекнув, что эту малявку снова придётся тащить с собой, поспешно вторил бабушке:

— Вот-вот. А мошкара? А слепни? Съедят всю и костей не оставят! — И вдогонку к своим словам вредно прищипнул её за перепачканную маслом щёку.

Анятка в ответ только пихнула его локтем в бок. Марат уныло заерзал на табуретке и принялся размазывать пальцем

по столу липкую каплю чая. Как же его бесила эта детсадовская суета. Дома, в городе, его друзья сейчас, наверное, только просыпались, лениво переписывались в чатах и планировали пойти гулять. А он застрял на кухне, где пахло мокрыми тряпками от стола, и вынужден был воевать с мелкой сестрой за нормальную мягкую подушку или удобную большую кружку.

Да и вообще, Марат прекрасно знал эту взрослую деревенскую математику. Сначала дед скажет: «Вот съездим на сенокос, а потом гуляй». Ага. В прошлом году бабушка так же всегда говорила: «Вот польёшь огород — и свободен». А после сенокоса или этих бесконечных леек тебе уже ничего в жизни хотеться не будет. Сил останется только доползти до бани, смыть грязь, наесться пирогов — и всё, тебя вырубит прямо на месте. День потерян. В лучшем случае вечером отпустят к клубу на полчаса, да и то под присмотром старших ребят.

— Не-е-ет! — Девочка тут же надула губы и перешла к тяжёлой артиллерии, закричав в сторону прихожей: — Деда-а-а-а, можно мне с вами? Можно? Можно?!

— Ну чего разголосилась, сирена? — добродушно ухмыльнулся он в усы, глядя на насупившуюся Анютку. — Куда ж ты поедешь, вон в одних подштанниках сидишь, неумытая и нечёсаная! А?

Малая, услышав, что вот сейчас и ещё чуть-чуть — и её действительно возьмут, сорвалась из-за стола и пулей поле-

тела собираться.

Марат лишь со вздохом закатил глаза и отвернулся к окну. За стеклом бурно разросся малинник — сквозь густую зелень тут и там проглядывали спелые, бархатные ягоды. Бабушка уже звенела в углу кухни алюминиевым бидоном, наводя медовую воду.

Пока парень уныло натягивал штаны и рубаху, дед за воротами заводил старый, грохочущий мотоблок, с треском выкатывая его на улицу.

Когда он, прыгая на одной ноге, натягивал плотные рабочие штаны, то неловко задел тумбочку. Лежавший на краю телефон со стуком упал на деревянный пол и улетел куда-то в самую глубину под кровать.

Чертыхнувшись, Марат опустился на карачки и полез в темноту его доставать. Вылез он злой, весь в серой пыли и обрывках паутины. Покрутив в руках мобильник, уныло протёр экран ладонью. На шею налипли противные нити, и Марат раздражённо принялся обмахиваться, пытаясь от них избавиться. Он сел прямо на пол, привалившись спиной к прохладному лакированному боку кровати, и вытянул ноги.

Включённое на кухне радио принялось усиленно и монотонно бормотать. Старая пластмассовая коробка на стене плоско и хрипло бубнила про колхоз и погоду в каких-то чужих областях, названия которых даже не запоминались. Где-то в журнале Марат вычитал, что этот белый шум должен успокаивать, но сейчас приёмник словно скрёб в самом моз-

гу. От этого шипения и помех зудело всё тело. Он тупо щёлкал кнопкой блокировки сотового, глядя, как загорается и гаснет пустой экран с крестиком связи. За окном настойчиво урчал заведённый мотоблок. Марат сидел, ковыряя пальцем щель в половице, пока бабушка за перегородкой не звякнула кастрюлей.

Бесполезный кусок железа и пластика. Единственным местом, где ловила сеть, был пыльный чердак, да и то под самой крышей. Если же требовалось срочно дозвониться до города, приходилось крутить тугое, скрипучее дисковое кольцо на бабушкином аппарате в прихожей.

«Вот же ж... — Обида душила изнутри. — Связи нет, в интернет не зайти. Сидишь там, как дурак, пока комары не сожрут. А как позвонить, так крути баранку и ори на весь дом, чтоб тебя услышали. Двадцать первый век, ага. Мама с папой там в ус, поди, не дуют, а Никита из компа, наверное, не вылезает. Чёртов сенокос, чёртова Анька».

От досады Марат швырнул телефон на стол. Тот глухо звякнул, отлетев к стене. Парень тут же спохватился, внутри неприятно ёкнуло: не разбился ли? Всё-таки отец купил этот Sony Ericsson всего месяц назад — награда за приличные годовые оценки. Вздохнув, Марат бережно поднял мобильник и аккуратно пристроил его на зарядку у зеркала. Которгу это не отменяло, но портить подарок, который он так долго ждал, было глупо.

Натянув рубаху, он побрёл к выходу.

Мотоблок тахтел на всю округу, выплёвывая густые клубы сизого дыма. Рогатый руль мелко дрожал. Дед уже заканчивал последние приготовления, кряхтя и подкручивая что-то гаечным ключом.

Анютка в смешной косынке уже сидела в тележке, нетерпеливо подсакивая на деревянной лавке и оглядываясь то на деда, то на порог дома. Вверенный ей алюминиевый бидон опасно кренился, расплёскивая сладкую медовую воду.

Едкий дым дразнил ноздри, и Марат, скорчив гримасу, непроизвольно чихнул.

— Ну наконец-то. — Дед оторвался от мотора. — Тебя ждём, водитель! — И лёгким, привычным движением уселся на узкое сиденье, чуть сдвинувшись в сторону. Марат недоумённо уставился на него:

— Водитель?..

Дед лишь хитро усмехнулся в седые усы. Второй раз парню повторять не надо было. Он в один прыжок слетел с крыльца и втиснулся рядом, до конца не веря, что ему наконец-то доверили управление этой грохочущей зверюгой.

Сколько себя помнил, Марат ходил вокруг мотоблока кругами, заглядывал в мотор да трогал блестящие детали, из-за чего бабушка потом ругалась и подолгу отмывала внуку руки от мазута и солярки. А однажды зимой этот металлический руль был так красиво припорошен изморосью, что напоминал белый пломбир прямиком из морозилки. Марат тогда сам не понял почему, но ему дико захотелось попробовать

его на язык — а вдруг он и правда сладкий?

— Вот это сцепление, вот это газ, а жёлтая ручка — тормоз, — принялся командовать дед, показывая на рычаги. — Ну, давай! Выставляй газ на середку. Теперь зажимай сцепление до упора. Держи, держи, не отпускай!

Дед протянул руку к железному боку мотоблока и с глухим металлическим хрустом переставил рукоять коробки на первую передачу.

— А теперь плавно отпускай сцепление. Слышишь? Плавно, а то на дыбы встанем! Анька, держись там!

Ладони Марата слегка подрагивали и моментально стали влажными и липкими от волнения. Спешно обтерев их об штаны, он осторожно ухватился за прорезиненные ручки.

— Да что ты с ним, как с девкой, не сахарный чай! — зычно прикрикнул дед прямо в ухо. — Держи крепче, а то убежит! Плавнее отпускай, говорю!

Марат начал медленно разжимать пальцы левой руки. Трос натянулся, мотор сменил ровный грохот на тяжёлый, натужный рёв, но парень не удержал и слишком резко бросил ручку.

Мотоблок дико, по-бычьи рванул вперёд — рога руля взметнулись вверх, деревянная телега оглушительно загрохотала, и из-под колёс взметнулось первое облако пыли. Сзади испуганно пискнула Анютка. В ту же секунду дед навалился сверху всем своим весом, на лету перехватывая управление и с хрустом выжимая тормоз. Агрегат недовольно чих-

нул едким дымом и намертво заглох. Алюминиевый бидон в телеге глухо звякнул о борт.

— Плавнее, плавнее отпускай, говорю! Куда несёшься, как на пожар! — негромко проворчал дед в наступившей тишине, продолжая терпеливо объяснять. Он перехватил пусковой шнур и с силой дёрнул его на себя. Мотор послушно отозвался привычным грохотом. — Руки оботри. Спокойно давай. Зажимай.

Сердце Марата стучало где-то в самом горле, оглушая сильнее заведённого мотора. Торопливо обтерев липкие ладони об штаны, он закусил губу и послушно зажал левый рычаг. Со второй попытки, когда он медленно, буквально по миллиметру разжимал сведённые от волнения пальцы, ремень сцепления наконец натянулся как надо. Грохочущая машина тяжело вздохнула, натужно взревела и покатилась вперёд. Дед для подстраховки крепко перехватил правой рукой один рог руля, помогая удерживать курс.

Они поехали!

Телега оглушительно загрохотала по разбитой дорожной колее. В лицо с размаху ударил тугой встречный ветер, смешанный с запахом бензина, а из-под колёс во все стороны с сухим стуком полетел мелкий гравий. Из соседской калитки, заливаясь яростным лаем, внезапно выскочил лохматый Гай. Он нёсся следом, торопливо перебирая лапами и отчаянно пытаясь перекричать рёв мотора, пока окончательно не отстал, скрывшись в поднявшемся сзади пыльном шлейфе.

В это мгновение всё волнение Марата и липкий страх в ладонях испарились, уступив место бешеному воодушевлению — приливу какого-то самого чистого, огромного счастья. Глупая, широкая улыбка сама собой расплзлась по лицу. Пальцы крепко сжимали дрожащую резину ручек, и в груди клокотало дикое желание выжать газ до упора и просто нестись сломя голову.

Миновав последние дома, они аккуратно преодолели крутой съезд с просёлка — дед вовремя перехватил дрожащий руль, помогая удержать потяжелевшую машину. Но дальше, по широкой и ровной обочине асфальтированной дороги, Марат снова вел агрегат сам. Впереди, до самого горизонта, открывался прямой, залитый солнцем путь к дальним лугам.

На месте их уже ждал трактор дяди Толи, припаркованный под сенью деревьев на окраине леса. Его водителя пока было видать. Уже на въезде к полю дед взял управление на себя и виртуозно осадил мотоблок в тени кустов, не заезжая в высокую траву.

Пока Марат помогал Анютке выбраться, дед направился к трактору. Девчонка сразу принялась хозяйничать — бабушка снарядила её целой котомкой припасов. На траве у кустов в мгновение ока появились старая скатерть, полгорбушки свежего хлеба, бидон с медовой водой, варёные яйца в целлофановом пакете, мытые пупырчатые огурцы и ещё что-то, чего Марат из-за высокой тимофеевки не разобрал.

Выпрямившись, он огляделся. Бескрайний зелёный ко-

вёр дышал под волнами ветра. По траве расходилась ровная зыбь: колосья и стебли то кланялись до земли, то взмывали ввысь. По бокам поле обрамлял бор из вековых елей — настолько огромных, что их верхушки, казалось, цеплялись за облака. В густой тени стоял дремучий сумрак; покачиваясь, великаны тяжело вздыхали от своей долгой жизни.

Марат прикрыл глаза ладонью. Солнце ещё не поднялось в зенит, но уже ослепляло и жгло шею. Он мог бы вечность стоять так, глядя на простор и слушая глухой шум леса, пока из оцепенения его не вывела жгучая вспышка боли. Наглый слепень подлетел совершенно беззвучно и с ходу прокусил плотную ткань штанины. Марат вздрогнул, дико задрывал ногой и принялся остервенело махать руками, сбивая паразита.

Из леса показался дядя Толя. Его выцветшая рубаха то и дело мелькала ярким пятном в зелёном океане луга. Мужики крепко пожали друг другу руки и негромко заговорили о предстоящем покосе.

Марату дед вручил деревянные грабли, определив самое лёгкое, на первый взгляд, занятие — растряхивать плотные завалы травы за трактором. Плёвое дело, но дед строго предупредил: «Как растрясёшь, так и посушишь». Если оставить траву в тяжёлых сырых валах, она сопреет изнутри за день, загниёт, и скотина зимой останется голодной. Скошенные завалы нужно было раскидать по полю ровным тонким слоем и при этом не потревожить шмелей, устроивших гнёз-

да в земляных кочках.

Марат перехватил поудобнее гладкое дерево граблей. Руки всё ещё мелко подрагивали от вибрации железного руля, но он проигнорировал эту дрожь, делая первый замах.

С полчаса он работал на одной упрямой злости. Поко-сы тянулись зеленовато-жёлтыми валами: стоило раскидать один метр, как впереди открывалось ещё десять. Плечи быстро заныли, а непривычные к черенку ладони начало неприятно саднить. В голове крутилась одна и та же обидная мысль: ради чего он впахивает на этом пекле, пока пацаны в городе режутся в «Контру» в прохладном компьютерном клубе?

Но постепенно, шаг за шагом, что-то изменилось. Мозг словно спёкся от бесконечной жары и духоты. Далёкий грохот трактора дяди Толи уплыл куда-то на задний план, превратившись в ровный, почти убаюкивающий белый шум. Марат поймал ритм. Замах граблями — потянуть, шаг вперёд, перевернуть пласт. Снова замах — шаг — переворот.

Это монотонное движение затягивало, словно гипноз. Солёный пот заливал глаза, капля противно застряла на кончике носа, а мокрая рубашка липла к лопаткам. Но он не останавливался, даже чтобы вытереться. Руки двигались сами по себе, отдельно от головы, и в этой глухой монотонной работе оказалось неожиданно хорошо — не нужно было ни о чём думать, ни на что злиться, только махать и махать граблями до самого края леса. В голове наконец наступила удивитель-

ная, звенящая тишина.

Вся утренняя злость на отца и обида за испорченное лето куда-то делись — просто высохли на этом пекле, оставив в теле только тяжелую усталость.

Трактор на окраине поля глухо фыркнул и затих. Дядя Толя выбрался из кабины, вытирая замасленную шею серой тряпкой, и вместе с дедом подошёл поближе, разглядывая работу. Марат невольно напрягся, ожидая привычного ворчания: мол, тут пропустил, а там кучу оставил. Но тракторист лишь прижмурился, глядя на ровный слой травы, и пробасил на всё поле:

— Гляди-ка, Михалыч, а городской-то твой как шустро машет! Глянь, как быстро да ловко получается. Настоящий помощник вырос.

Дед хмыкнул в усы, но посмотрел на внука так, что у Марата внутри всё перевернулось. Подростковый пофигизм испарился. Сам не зная почему, он вдруг почувствовал такую дикую, оглушительную гордость за себя, что глупая улыбка едва не полезла на лицо. Спина перестала болеть, а в руках появился новый, упрямый азарт. Захотелось сделать ещё больше, ещё лучше — просто чтобы эти двое суровых деревенских мужиков видели: он не неженка, он действительно молодец.

— Ну, хорош. Пойдёмте полдничать. — Дед обтёр лицо кепкой и направился к сидящей в тени кустов Анютке. — Ну что, хозяйка, чем потчевать нас будешь? Не заели тебя тут

жужжалки?

— Деда, деда! — Анютка аж подпрыгивала на месте от нетерпения. — Я такую бабочку видела! Большая, а крылья такие яркие, глазастые!

Дед лишь одобрительно потрепал девочку по покрытой ситцевой косынкой голове и обернулся к соседу:

— Толь, останешься? Бабушка тут целый куль наготовила, не везти же обратно.

— Ну а чего не остаться? Угощайте, — улыбнулся и присоединился к полднику тракторист, усаживаясь прямо на траву и вытягивая уставшие ноги в тяжёлых сапогах.

Марат подошел к расстеленной скатерти, дед поднял алюминиевый бидон и щедро плеснул мутноватой воды в кружку. Парень перехватил её, успев мимолётно удивиться: как на такой дикой жаре она осталась леденяще-прохладной? И сделал первый огромный глоток. По горлу разлилась тягучая, ароматная сладость. Она обволакивала, погружала куда-то на залитый солнцем цветочный луг и дарила чувство лёгкости. То, что текло из-под крана в городе, и близко такого эффекта не давало. Словно выпил настоящей живой воды из сказки — и в теле сразу прибавилось сил.

Марат и сам не заметил, как в один миг внутри проснулся дикий, почти пугающий аппетит. Желудок неожиданно и больно свело от голода. Остывшие варёные яйца, посыпанные крупной солью, вприкуску с пышным хлебом и сочными, пупырчатыми огурцами прямо с грядки казались истин-

ной пищей богов. Никакие городские бургеры и пиццы не шли с ними в сравнение.

На обратном пути дед уверенно вёл мотоблок сам. Марат сидел на деревянной лавке в телеге, накрепко зажав между коленей черенки грабель. От тяжёлого труда на жаре и сытного обеда его клонило в сон. Голова то и дело падала на грудь, он кивал, проваливаясь в дрему, и не понимал, откуда у мелкой сестры берётся столько энергии.

Анютка елозила, вертелась на досках, мешала спать и тормозила брата, тыча чумазым пальчиком во всё, что видела вдоль дороги.

— Марат, смотри, коровы! А вон мальчики в песке замок строят! Марат, ну посмотри!

Проезжая мимо сельского магазина, Марат скукожился, пытаясь вжаться в доски телеги. На перекрёстке у крыльца столпилась местная молодёжь на велосипедах. Кто-то постарше пригнал тяжёлый мотоцикл, и парни облепили его, бурно обсуждая мотор.

Марату до смерти захотелось стать невидимым. Казалось, все смотрят только на него — грязного, обгоревшего, едущего в громыхающей телеге с пятилетней девчонкой в косынке. Он поспешно вжал голову в плечи, как вдруг надрывный рёв мотоблока перекрыл знакомый крик. С волейбольной площадки, что была неподалёку, ему отчаянно махал рукой Колька Рябов — его сосед, с которым они тусили всё прошлое лето.

Парень постарше ошутимо толкнул крикнувшего в бок, что-то негромко сказал, и вся гурьба пацанов зычно, обидно загоготала. Марат лишь поспешно отвернулся, уставившись в доски телеги. В груди зло обожгло, накатила глухая досада — в этот момент больше всего на свете хотелось провалиться сквозь эти чертовы доски.

Вечером после ужина в прихожей раздалась оглушительная, дребезжащая трель старого советского аппарата — это мама из города решила проверить, как у детей дела. Бабушка долго и громко поохала в трубку, обсуждая погоду и корову, а потом позвала Марата к телефону.

Он нехотя сполз с кровати, подошёл к тумбочке, взял тяжёлую пластмассовую трубку и прижал её к уху:

— Да, мама?

— Привет, сын! Ну как вы там? Всё у вас хорошо?

— Да, нормально. — Марат упёрся лбом в прохладную стену прихожей, лениво ковыряя пальцем разохшиеся и выцветшие обои. В трубке шёл городской гул — шум машин, какая-то далёкая сирена, звуки той прошлой жизни, от которой тоскливо защемило в груди.

— Как бабушка с дедушкой? Слушаетесь? Вы на речку-то одни без деда не ходите, Марат. И за Анюткой приглядывай, она маленькая ещё, глаз да глаз нужен. Ты же следишь за ней? Не оставляешь одну?

— Слежу, — неохотно буркнул он, вспомнив дневной по-

зор у магазина и то, как Анютка всю дорогу вертелась в телеге. — На сенокос сегодня ездили. Мотоблоком рулил.

— Ой, какой молодец! — Голос мамы потеплел. — Ладно, сын, я чего звоню-то... Тут папе на работе отгулы дали на выходные. Надо привезти вещи кой-какие бабушке. В общем, он хочет к вам в деревню приехать в субботу.

Марат замер, так и не доковыряв край обоев. В груди коротко, горячо ухнуло. На долю секунды ему отчаянно, по-детски захотелось заорать в трубку: «Правда?! Пусть быстрее приезжает!», но волна упрямой обиды накрыла эту радость, превратив её в тяжёлый ком в горле. Вспомнился Никита на море, железное отцовское «нет» в мае и его строгий взгляд. Приедет. Посмотрит, как они тут в грязи возятся, хлопает по плечу. Сам-то всё это время в городе сидел.

— Марат, ты слышишь? — переспросила мама, не получив ответа.

— Слышу. — Марат сглотнул и произнёс это самым равнодушным тоном, на какой только был способен. — Пусть приезжает. Мне без разницы.

— Ну что ты сразу так-то... — сокрушалась в трубке мама. — Ладно, давайте аккуратнее там. Дай мне Анютку.

— Ладно. Анька! — Марат громко заорал куда-то в глубь тёмного дома. — Иди, тебя мама хочет!

В ту же секунду слышался весёлый топот девчачьих ног и радостные визги. Марат передал тяжёлую трубку Анютке и отвернулся. Остаться в избе больше не хотелось: бабушка

за перегородкой шумно гремела посудой, дед опять куда-то делся. Парень вышел в прохладные сени.

Куда идти, он не знал, но на глаза попалась низкая дверь на старую веранду. Он редко туда заглядывал, хотя всё прошлое лето просил бабушку разрешить ему остаться там на ночёвку. Но та запрещала: мол, пыль, мыши и нечего там делать. А ведь в полумраке за дверью стояла старая металлическая кровать с блестящими шарами-набалдашниками, задёргнутая пожелтевшим марлевым пологом от комаров.

Веранда встретила густым, застоявшимся запахом перегретой на солнце пыли, старых тряпок и тёплого, разохшегся дерева. Марат попытался глубоко вздохнуть, но от поднявшейся сухой взвеси громко чихнул.

Он побрёл по веранде, разглядывая углы. На расстеленном прямо на полу полотенце ровным рядом лежали пожелтевшие, пузатые огурцы, похожие на маленьких спящих поросят — дед всегда так занимался семенами на следующий год. В углу высился огромный резной сундук, почерневший от времени; его затейливые узоры местами совсем затёрлись, но кое-где всё ещё сохранили первозданный, сочный красный цвет. Рядом громоздились непонятные деревянные кадушки, пузатые мешки с мукой и большое старинное сито. Марат лениво потрогал пальцем натянутую сетку и обтёр перепачканную ладонь о штаны.

Здесь было полно странных вещей, названий которых он даже не знал. На подоконнике пылилась незаправленная ке-

росиновая лампа. Марат подошёл, покрутил маленький тугой переключатель фитиля — тот сухо защёлкал. Он потянул на себя дверцу старого, скрипучего шифоньера и хихикнул: само это слово казалось ему каким-то доисторическим. Внутри, на тяжёлых деревянных плечиках, висела дедовская шинель — огромная, из плотной, жёсткой шерсти. Марат коснулся пальцами суконных погон на плечах, и внутри вдруг шевельнулось странное, взрослое чувство почтения. От этой шинели веяло такой силой, что он осторожно, стараясь не шуметь, прикрыл дверцу шкафа.

Пора было устроиться поудобнее. Марат подошёл к кровати, откинул в сторону жёлтый марлевый полог и залез внутрь. Металлические пружины сетки заскрипели под его весом. Кровать была огромной, провисшей и покатой, словно лодочное дно. Марат качнулся из стороны в сторону и на мгновение почувствовал себя то ли капитаном на палубе попавшего в шторм корабля, то ли всадником на спине мерно шагающего верблюда.

Он задёрнул за собой марлю и лёг на подушку. За окном уже догорал день, и сквозь сводчатые стёкла пробивался лишь блёклый, сизый свет позднего вечера. От тишины и сытости его наконец-то потянуло в сон.

На веранде царила крошечная, глухая темнота. Марат открыл глаза и вперился взглядом во мрак, не понимая, отчего проснулся. На веранде царила крошечная, глухая темнота. Сердце гулко колотилось у самых рёбер, вспыхнувший внут-

ри жар мгновенно сменился ледяным ознобом, а по спине покатился пот. Он попытался дышать носом, силясь успокоиться, но на очередном вдохе замер — снаружи, у самого фундамента, раздались шаги.

Вязкие, крадущиеся, будто кто-то в огромных сапогах шёл по высокой мокрой траве. Марат затаил дыхание.

Неизвестный медленно провёл чем-то шершавым вдоль бревенчатой стены и остановился. Марату показалось, что он физически чувствует, как этот некто прижал ладонь к доскам — прямо напротив его кровати. Зажав рот рукой, парень беззвучно выпустил воздух сквозь пальцы. Этот кто-то точно знал, что он здесь. На старой веранде, под марлевым пологом, где бабушка строго-настрого запретила ему спать.

Где-то под окном сухо хрустнула сломанная ветка. Звук шагов у стены на мгновение затих, а затем начал удаляться в глубину двора.

Стараясь не скрипеть пружинами, Марат по-кошачьи сполз на пол, присел и прислушался. Стояла оглушительная тишина, замолчали даже ночные сверчки. Он пригнулся и, вытянув руки, наощупь двинулся к выходу, пытаясь сориентироваться во мраке. Пальцы тряслись. Дыхание перехватывало, он прерывисто ловил воздух носом. Тяжёлая створка поддавалась под ладонями, коротко скрипнув.

В сенях было ещё темнее. Короткий коридор, поворот налево — и вот уже вход в избу. На цыпочках Марат ступил на прохладные доски. В момент, когда его пальцы почти кос-

нулись круглой металлической ручки, со стороны крыльца с резким треском распахнулась уличная дверь. Он врос в пол и с усилием заставил себя не заорать на весь дом.

— Марат?! — Дед в накинута на плечи брезентовом плаще уставился на замершего внука. — Ты пошто полуночи-чаешь? Бабушка обыскалась уже! Сказал бы хоть, куда пошёл.

— Я... простите. — Марат шумно выдохнул, чувствуя, как отступает дикий испуг. Сердце всё ещё колотилось в горле. — Деда... а ты никого сейчас не видел у веранды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.